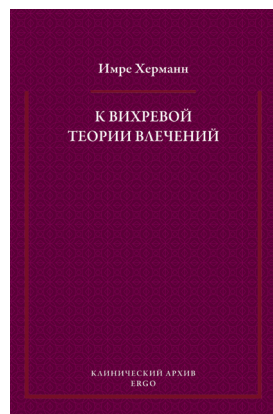

ВЕНГЕРСКАЯ ПРОГРАММА ERGO

АВТОР

ИМРЕ ХЕРМАНН (1889–1984) — психолог, психоаналитик, доктор медицины, один из лидеров Венгерской психоаналитической школы.

Интерес к психоанализу у И. Херманна возник после знакомства с Шандором Ференци, лекции которого он активно посещал. С 1919 года Херманн начал психоаналитическую практику и вступил в Международное психоаналитическое общество. В 1921 году он был приглашен Ференци в состав Венгерского психоаналитического общества. С 1925 по 1936 год Имре Херманн выполнял обязанности секретаря общества, с 1936 по 1944 год находился на посту вице-президента, а в 1945 году он стал президентом Венгерского психоаналитического общества и оставался на этом посту до 1949 года.

ISBN 978-5-98904-208-1
84×108 1/32
100 с., обложка

Имре Херманн

К ВИХРЕВОЙ ТЕОРИИ ВЛЕЧЕНИЙ

Избранные статьи

Сборник включает оригинальные вклады автора в психоаналитическую концепцию влечений. И. Херманн рассматривает динамику влечений через метафоры кривизны, вихрей, акцентируя внимание на нелинейности психического пространства.

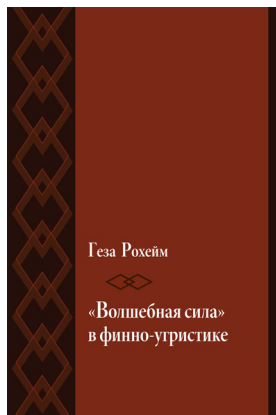
Цитаты...

«Чтобы суметь понять здание психоанализа в целом, мы и здесь еще не остановимся. Почему же переживание, психическое звено, становится богато смыслом, когда выясняется, что оно *некогда* имело смысл, что оно является повторением? Нельзя ли было бы с таким же правом утверждать, что переживание богато смыслом, если оно *заранее* уведомляет о чем-то, совершенно не важно, о чем, или если становится возможным доказать, что то же самое переживание имеет смысл не для этой, а для любой *другой* персоны, для любого *другого* случая? Не обладая известной предвзятостью к свойству "смысла" психических образований, эти возможности могли бы точно так же быть привлечены в качестве смыслового богатства, как это в настоящее время происходит с вопросом "откуда" и "зачем"».

«Вопрос о том, что связывает мышление и моторное задействование, давно является предметом оживленных дискуссий. Управляет ли всем мышление, а моторика является лишь его слугой, его слепком, т. е. чем-то вторичным, или постоянно моторика является первичным, существенным, т. е. деятельность, моторная «установка» управляет всем, а мышлению отводится лишь роль увядшей моторики? Следует ли относить моторику только к физиологическим протеканиям или мышление по своей сути должно означать своего рода "пробное действие"? Что ж, мы полагаем, ответ совсем не так труден, если наша исходная точка выбрана правильно. Вообще нельзя проводить параллели между мышлением и моторикой, а можно лишь между мышлением и содержащими смысл моторными разгрузками, т. е. *действием*. Мышление и действие несут в себе нечто *совместное* — как раз наличие смысла. Однако это наличие смысла при так называемом мышлении соединено с *внутренними процессами*, при действии — с *периферийными процессами*. Моторные *разгрузки* бывают и без смысла, но мыслительные процессы — это образует *предпосылку* психоанализа — всегда содержат смысл, правда, *латентные* содержания должны рассматриваться как задающие тон».

Геца Рохейм

МАТЕРИАЛЫ К ПОНЯТИЮ «ВОЛШЕБНАЯ СИЛА» В ФИННО-УГРИСТИКЕ

ISBN 978-5-98904-118-3
84x108 1/32
56 с., обложка

На фольклорном материале Г. Рохейм рассматривает особенности магического мышления, как оно представлено в верованиях финно-угорских народов. Особое место в его исследовании занимают понятия «судьба» и «удача» в различных народных обычаях, а также понятие волшебной силы, вмешивающейся в повседневную жизнь человека. Автор описывает шаманские обряды, магические свойства вещей, давая психоаналитическую интерпретацию народным представлениям.

ЗАКАЗ КНИГ

Заказ на приобретение книг «ERGO»
направляйте на email:
market@ergo-izhevsk.ru

Геца Рохейм

«В индогерманских вариантах Калевалы в рунах¹ об убое вола или свиньи фигурирует старик, которому в печатной Калевале соответствует *Virokannas*. Его роль такая же, как у шамана: его задача — убить животное. Однако он терпит неудачу и забирается на дерево, как и его товарищ из Калевалы. Согласно вариантам, остальные присутствующие там также обращаются в бегство:

*muut jumalat muihin
mäs istenek (?) mäs mäs fára
другие боги (?) на разные деревья*

Здесь слово *jumalat* означает скорее «знахари», чем «боги». (Ср.: *K. Krohn: Suom. Kirjallisuuden historia. I. Kalevala 409.*)²

Кроме этого, Викар отмечает, что в одном месте «*jumaliset*» выступает в качестве определения знаменитых по колдовству жителей Похйолы: здесь перевод «колдуны» является более приемлемым, чем «божественные»³.

«Таким образом, наше исследование, в конечном результате, ведет к тому, что финское *jumala* и венгерское *javas* полностью совпадают друг с другом как по значению их основ, так и по значению их суффиксов, различаются эти слова только по их определяемому слову, относящемуся к ним первоначально: фин. *Jumala*, венг. *javas* «Бог», венг. *javas*, а *javas* — «человек или женщина»⁴.

А теперь снова обратимся к первой части статьи: в вогульском языке *muträ* означает наводящую порчу колдовскую силу, колдун — *muträn̄jum*, человек с *muträ*, т. е. тот, у кого есть наводящая порчу мана. Таким же образом в венгерском языке (и в остальных финно-угорских

¹ Ср.: *K. Krohn: Kalevalan runojen historia (Suom. Kirj. Seur. Toim. 101. Osa). IV. Lemmin käinen. 7. Iso härkä. 623—632.*

² *Vikár: Kalevalai tanulmányok 1901. 20.*

³ *Vikár: Ibid. 21.*

⁴ *Idem.: Ibid. 20.*

Понятие «волшебная сила» в финно-угристике

языках) могут быть *jög, jó, jav, gyógu* и т. д., значение *gyók* — *лечащая колдовская сила, благословение, мана, а знахарь (мужчина или женщина) — это тот, у кого есть лечащая мана*. Как выясняется из убедительной аргументации Викара, финское *jumala* и его эквиваленты также означают знахарей, а именно тех, которые имеют магическую силу, отводящую болезнь, приносящую счастье, благословение, выздоровление. **Вероятнее всего, первоначально не было никакой разницы между шаманом и богом, название обоих могло быть «знахарь», а именно «колдун», «человек с маной». Шаманы являются земными богами, а боги — небесными шаманами**¹.

«Проекцией колдующего человека в природе является Бог: от природы он получает по наследству личину, от человека — душу, от колдуна — власть»².

То, что появление божественности в качестве волшебства живет среди угорского народа и сегодня, могут свидетельствовать слова остяцкого идола, который, появляясь на вызов, молвит следующим образом:

«Я магический Бог (*sąťəŋ tōřəm*) на девичий смех не был заколдован, на мальчишеский смех, я магический Бог, не был заколдован»³,

или мать *Kalťeš*:

«Я когда-то в прошлом как высылающая девушку магическая *Kalťeš*, сердитая богиня, была заморожена»⁴.

¹ Ср.: *Bán Aladár: Néhány szó őseink istentiszteletéről. Bán-Krohn: 370. 1. Maanjumala = земной бог, шаман. Ср.: слово «бог (boh)» применяют в ироничном (?) значении для тех людей, которые, борясь против судьбы, предпринимают что-то невозможное, или которые обладают большой властью. В заклинаниях вместо слова «бог/isten» часто встречается слово «король». М. Дикарев: Посмертные писания. 1903. 74, 75.*

² *Róheim: A varázserő fogalmának eredete. 1914. 221, 222.*

³ *Pápay: Osztják Népköltési Gyűjtemény (Zichy Jenő gróf harmadik ázsiai utazása V). 1905. 273. О значении *sąťəŋ* (магический) см.: *Munkácsi: Istenek hősi énekei. 1910. II. 0344-0347.**

⁴ *Pápay: Ibid. 268.*